

Е.Б. Хитрук

## ПРАКТИКИ УСТЫЖЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

*Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 13-06-00119 А).*

Раскрываются определенные механизмы субъекции, формирующие в социуме «устыженную субъективность», которая, будучи противопоставлена социальной норме «интеллигбельного гендера», поддерживает бинарную структуру общества. На примере становления женской субъективности, гомоидентичности и маргинализированной маскулинности эксплицируются дискурсивные практики устыжения, описываются механизмы их реализации, утверждается конститутивная роль «дискурса нормы» и «дискурса стыда» в социуме.

**Ключевые слова:** женская субъективность; маргинализированная маскулинность; гомоидентичность; гендерная идентичность; практики стыда; гетеронормативность; гомофобия.

Я могу сказать, что заместительные инвестиции, наиболее для меня очевидные, относились к моему опыту как женщины; как толстой женщины; как бездетного взрослого человека; как человека, который в нескольких различных дискурсивных режимах оказывается сексуальной извращенкой; и в других – еврейкой.

*Сэджвик Ив Кософски*

Если тяжело быть женщиной, то мужчиной быть невыносимо.

*Фердинандо Камон*

На протяжении многих столетий существование западной цивилизации определялось противопоставлением одних категорий людей другим. Система мышления, построенная на основании классического философского дуализма, не имеет более подходящего для построения картины мира инструментария, чем инструментарий бинарных оппозиций – трансцендентное / имманентное, разумное / чувственное, душевное / телесное, возвышенное / приземленное, внешнее / внутреннее, активное / пассивное, мужское / женское и т.п. В каждой оппозиции первый элемент обладает онтологическим и аксиологическим преимуществом над вторым, вытесняя последний на зависимое второстепенное место в иерархии сущего. Таким образом, трансцендентное, внешнее, разумное, мужское становятся аксиологически приоритетными атрибутами, продуцируя некую онтологическую, антропологическую и социальную норму. Принципы онтологического дискурса накладываются на дискурс социальный, фиксируя между людьми невидимые, но непреодолимые границы. Эталон человека в этом контексте является разумный, активный мужской субъект, чье положение в обществе ассоциируется с властью и выступает мерилом нормативности. Однако, как справедливо замечает известный американский психолог Сандра Бем, «выражение *власть мужчин* имеет конкретное значение – это власть, которая исторически принадлежала богатым, белым, гетеросексуальным мужчинам» [1. С. 35]. Другими словами, это *о-предел*-ение человека связано сразу с несколькими принципами оппозиционности, а именно национальностью, состоятельностью, пол/гендером и сексуальной ориентацией. Поэтому в невыгодном положении в распределении общественных страт оказываются «не только женщины, но также и неимущие, цветные и сексуальные меньшинства» [Там же. С. 36].

Таким образом, понимание основ мироздания в контексте противопоставления различных родов реальности обуславливает понимание основ построения об-

щественной системы в контексте разделения и противопоставления различных социальных групп. Это приводило и приводит к существованию определенных групп людей, общность которых рассматривается как отклонение от человеческой нормы. Жизнедеятельность социального организма обеспечивается посредством «создания области де-авторизованных, несанкционированных субъектов, пре-субъектов, фигур презрения, населения, вычеркнутого из поля зрения» [2. С. 248]. При этом их существование является необходимым условием существования дуалистически обусловленной общественной системы, а значит, и самой нормы. Помещение индивида по тому или иному критерию в ранг социальной аномальности называется практикой устыжения. Необходимо прояснить главные механизмы устыжения.

Известный американский философ Джудит Батлер раскрывает понятие *queeer-идентичности* через противопоставление «дискурса нормы» и «дискурса стыда». *Queer* (с англ. иной) – это идентичность, рождающаяся в результате действия эффектов власти «сил подавления и сопротивления» [3. С. 226]. Человек маркируется в обществе как имеющий аномальную (кривую, *Queer*) идентичность посредством речевых (или дискурсивных) практик, целью которых является «устыжение субъекта через его наименование». Выражаясь точнее, происходит не устыжение субъекта, а его производство посредством практик устыжения. Бинарная оппозиционность, будучи базисом социальной стратификации, провоцирует субъективацию двух видов – нормального субъекта посредством «дискурса нормы» и *queeer-субъекта* посредством «дискурса стыда». Техника власти (в значении власти по Фуко как децентрализованной силы, пронизывающей все аспекты реальности) такова, что создание индивида, имеющего ущербную аномальную идентичность, выносится за рамки стационарной нормативной дискурсивности, представляется предискурсивным, несуществующим.

Создается иллюзия того, что дискурс обнаруживает индивида, имеющего *queer*-идентичность, в то время как дискурс посредством устыжения, «заклечения в чулан» сам создает *queer*-субъекта, навязывая ему его аномальность в качестве организующего принципа.

*Женская субъективность.* Классический феминизм (второй волны) основывается на убеждении, что в самом понятии фемининного заложена альтернатива маскулинного. Женщина всегда есть лишь Другое мужчины. И в той мере, в которой мужчина воплощает собой все традиционные признаки человека вообще (разумность, духовность, активность и т.п.), женщина остается за гранью человечности. «Таким образом, — пишет Симона де Бовуар, — человечество, род людской по сути своей мужской, и поэтому женщина воспринимается не сама по себе, а лишь относительно мужчины; она не рассматривается как автономное отдельное существо... Она — нечто побочное рядом с существенно важным и необходимым. Он — Субъект, он — Абсолют, она — Другая» [1. С. 80]. Эта фундаментальная друговость женского является не столько его главным признаком, сколько формирующим принципом. «Женщиной не рождаются, ею становятся», — утверждает де Бовуар, подчеркивая тем самым субъектообразующую (субъективирующую) роль традиционной оппозиции полов. Женщиной или мужчиной индивид становится посредством социализации, т.е. восприятия, переработки и демонстрации дискурсивных нормативов, зафиксированных в данном определенном поле культуры. При этом мужчина формируется посредством дискурса нормы, а женщина посредством дискурса устыжения, поскольку быть Другой («вторым полом») означает выполнять функции препозиции по отношению к мужчине — быть при нем, «над ним или под ним, впереди него, за ним, около него» (Шарлотта Гилман) [Там же. С. 79]. Это касается не только нормативности женского поведения, уровня представлений о собственных личностных горизонтах, но и женской телесности. Тело человека не может быть природным фактом, поскольку существует в социуме, его бытие обусловлено культурой, т.е. «всегда уже проинтерпретировано». Интерпретация включает, вписывает в смысловую бинарную оппозицию мужского / женского изначально нейтральный биологический материал таким образом, что вне указанной осмысленности мы не можем даже назвать этот материал существующим. «Утверждения, что есть женщина или мужчина, являются продуктом реифицированного словаря самоидентичных существительных, который следует сменить на словарь действий и усилий. Человек воплощает свою женственность, осуществляет ее, утверждает ее статус, производит и воспроизводит ее, носит, выставляет ее напоказ... Потому что гендер — это стиль, способ существования тела, наше собственное представление о теле как о культурном знаке» [4. С. 296]. Присвоение гендера нельзя назвать свободным. Это процесс, который начинается задолго до того, как человек обретает возможность выбора и не допускает альтернатив, т.е. по существу репрессивен. Таким образом, женщины вынуждены становиться «Другими». Как замечает Джудит Батлер, «в то время как мужчина выступает как субъект познающий, выбирающий, женщине предписывается быть

просто телом, инструментом мужского желания, отражением или средством его деятельности» [4. С. 296]. История знает множество способов становиться женщиной, стилизуя или «гендеризуя» собственное тело. От жестких и жестоких приемов традиционной культуры, будь то принудительная клиторэктомия, «коррекция» стопы, шейные кольца или украшения для губ в виде увесистых дисков (пелеле), до высоких каблуков, косметических процедур и «лица, которое женщины вынуждены носить в своей сумочке» в современном информационном обществе.

Сконструированность феминистского субъекта обнаруживается самими феминистками в результате множества безуспешных попыток привести женщин, нуждающихся в политической репрезентации посредством феминизма, к некоему «общему знаменателю». Сделать это оказывается очень сложно. Поскольку, во-первых, женщины представляют собой слишком многообразное явление, во-вторых, ни один индивид не может быть только женщиной, поскольку женская идентичность на деле переплетается с огромным количеством иных социально значимых идентификаций, и, в-третьих, на протяжении всего времени существования феминизма достаточное количество женщин воспринимает его как чуждое явление, не освобождающее, а извращающее их сущность. «Феминистское “мы” — всего лишь фантазматическая конструкция, отвечающая определенным целям, но отрицающая внутреннюю сложность и неопределенность самого термина. И конституирующаяся только путем исключения некоторой части того представительского корпуса, который она в то же время стремится представлять» [5. С. 164]. Парадоксальным образом женский субъект сопротивляется возможности своей репрезентации в политическом дискурсе. Джудит Батлер настаивает на том, что проблема женской субъективности заключается в том, что на самом деле вне феминистской репрезентации женский субъект попросту не существует. Феминистский дискурс не эмансипирует женскую идентичность, он ее конструирует. И основными законами политического конструирования субъекта в данном случае, как и вообще в юридическом дискурсе подобного рода, являются механизмы легитимации и исключения. «В действительности закон производит и затем скрывает понятие “субъект до закона”, с тем чтобы обратиться к этому дискурсивному образованию как к натурализованной базовой предпосылке, которая впоследствии узаконивает его собственную регулятивную гегемонию» [6. С. 301]. Учитывая эти механизмы, невозможно больше с наивностью выяснять, каким образом добиться большей репрезентации женщин в языке и политике, поскольку стремление к презентации автоматически связано с логикой производства и ограничения женского субъекта. «Убеждение в том, что феминизм может добиться более широкой репрезентации субъекта, которого он сам же и конституирует, по иронии влечет за собой возможность краха этих устремлений из-за того, что феминизм отказывается принимать в расчет конститутивную силу своих собственных притязаний на репрезентацию» [Там же. С. 303]. Главная задача в данном случае видится не в плане преодоления политики конституирования женского субъекта,

поскольку легитимация и исключение являются неизбежными механизмами политического дискурса. Основной задачей представляется выстраивание критической феминистской генеалогии, которая способна раскрыть подлинное значение конститутивных практик в феминизме и, возможно, раскрыть поле для дальнейшего становления феминистской теории в критическом направлении без опоры на единый женский субъект.

Таким образом, практики устыжения производят женское как Другое мужского. Феминистическая тенденция к презентации женского в языке и политике обнаруживает крайнюю противоречивость женского субъекта, что ясно демонстрирует его сконструированную природу. Таким образом, эволюция феминистической теории через открытие женского субъекта приводит к фиксации его дискурсивной природы. Дискурсивная обусловленность женского субъекта в свою очередь демонстрирует дискурсивную обусловленность мужского субъекта, т.е. половой дефиниции как таковой. В таком случае исчезает необходимость в классическом различении пол / гендер, поскольку пол не является додискурсивной или адискурсивной анатомической данностью в противовес гендеру. Сама дихотомия мужское / женское является бинарным каркасом для интерпретации полового, культурно обуславливает существование пола, равно как и существование гендера. «Независимо от того, являются ли пол или гендер фиксированными или свободными, они производны от дискурса», – заключает Д. Батлер [Там же. С. 309].

Дихотомия мужское / женское является классической для западного мировосприятия. Как таковая она воспроизводилась еще в традиционной европейской философии от Пифагора и Платона до Артура Шопенгауэра и представительниц феминистской теории, хотя и с различными аксиологическими акцентуациями. Отличие классического анализа этого фундаментально-бинаризма от постклассического, и особенно постфеминистского, состоит в радикальной трансформации онтологического статуса указанных категорий от эссенциализма к культурному перформансу. Мужчиной и женщиной не рождаются, их роли исполняют в подвижном, но сохраняющем дуальную структуру спектакле западно-европейской социальности. По мере того как когнитивный интерес философии смещался от онтологической и гносеологической проблематики к антропологии; по мере того как сама философская антропология отстранялась от абстрактной модели «человека мыслящего», мужское и женское начинали осмысляться как центральные категории человечности. Поскольку человек конкретный, экзистирующий не является бесполом существом. Хайдеггеровское *Da sein* в отличие от декартовской *Res cogitans* уже заброшено в ситуацию, которая по-настоящему раскрывается лишь в половом измерении (становлении женщиной / мужчиной). «Человек существует через свое тело» (тезис Ж.-П. Сартра) означает, что «человек существует в становлении своего гендера» (тезис С. де Бовуар) [4. С. 298]. Этот, «здесь-данный», конкретный человек – он или она. Классический и неклассический анализы оппозиции мужского / женского не завершают собой путь к человеку конкретному, но, наоборот, переводят разговор о человеке, человечности и социальности в

перспективу раскрытия множества сопутствующих идентификаций. Человек презентуется в переплетении различных конкретизирующих измерений: пол, национальность, этнос, ориентация, эксплицируемых дихотомически на основе фундаментальной муже / женской дуальности.

*Гомоидентичность.* Одной из главных социальных оппозиций, базирующихся на дихотомии мужское / женское, является оппозиция нормальной / аномальной сексуальности. С точки зрения Д. Батлер, анализ дискурсивной природы гендера / пола не может быть адекватным без учета тех социальных практик, посредством которых определенный индивид осуществляется, становится как представитель той или иной сексуальной ориентации. Д. Батлер отказывается признавать гендер некой «истиной» пола, которая на социальном уровне раскрывает природное предназначение индивида. Гендер представляется своеобразной «игрой» между психикой и внешними проявлениями индивида. Игрой, которая «регулируется властным гетеросексистским дискурсом» [3. С. 224]. Дихотомия гетеросексуальное / гомосексуальное представляет собой базовую для западной философии оппозиционную структуру, в которой сохраняется традиционный для классических бинаризов аксиологический приоритет одного элемента над другим. Поэтому фундированная этой дихотомией гетеросексуальная субъективность рассматривается как безусловная ценность и норма в противовес субъективности гомосексуальной. Данная логическая схема обусловлена так называемой принудительной гетеросексуальностью, политикой подавления или вытеснения гомосексуального за рамки социальной нормы, производством гомосексуального субъекта посредством «дискурса стыда». Так же, как дихотомия мужское / женское держится на мнимом существовании единого и непротиворечивого мужского (или женского) субъекта, дихотомия сексуальной идентичности полагает гетеросексуальное желание необходимой составляющей нормальной гендерной (половой) идентичности. «Следует учитывать, – замечает Д. Батлер, – то, что двусмысленности и несоответствия в и между гетеросексуальными, гомосексуальными и бисексуальными практиками не только подавляются и представляются в ином свете в опредмеченной структуре, разъединяющей и ассиметричной оппозиции мужского / женского, но также и то, что они являются областями возможного вторжения, разоблачения и вытеснения этих опредмечиваний. Другими словами, “единство” гендера представляет собой результат регулятивной практики, которая посредством принудительной гетеросексуальности стремится воспроизвести универсальную форму гендерной идентичности» [6. С. 337]. Сексуальная ориентация, таким образом, должна соответствовать общей стратегии распределения в рамках гендерной схемы – индивид имеет право артикулировать только то сексуальное желание, которое соответствует совершенно определенным параметрам его гендерной идентичности. Эта легитимирующая и исключаящая взаимосвязь и определяет тот порядок социальности, который Д. Батлер характеризует как «принудительный порядок пола / гендера / желания».

Иными словами, гендерная идентичность, характеризующаяся «внутренней согласованностью» и «це-

лостностью личности», представляет собой не опытную данность с фиксированными реальными свойствами, но социально сконструированный эталон, поддерживаемый нормами интеллигибельности. Под «интеллигибельностью» Д. Батлер понимает некое условие, посредством которого производится и сохраняется согласованность между полом, гендером, сексуальными практиками и желанием. Нормативная природа интеллигибельного гендера обнаруживается посредством анализа существования таких индивидов, жизненные практики которых не реализуют единство и согласованность пола / гендера / желания, т.е. не вписываются в регулятивную схему бинарных оппозиций. Как замечает Д. Батлер, «само понятие “личности” ставится под вопрос появлением в культуре таких существ, которые кажутся личностями, но которым не удается соответствовать гендерным нормам культурной интеллигибельности, определяющим понятие личности» [6. С. 319]. Эти существа, на первый взгляд «выпадающие» из общей схемы становления гендерной идентичности, на самом деле также имеют дискурсивную природу, поскольку их аномальность поддерживает бинарный принцип гендерной схематизации как таковой. То есть в становлении аномальной (в данном случае не гетеросексуальной) идентичности формирующими выступают все те же практики устыжения и исключения, что работают в становлении классической гендерной дихотомии мужское / женское. Другими словами, эти «призраки прерывности и несогласованности» производятся и запрещаются тем же самым дискурсом нормальной гендерной интеллигибельности. Само существование индивидов с аномальной (несогласованной) гендерной идентичностью раскрывает репрессивную природу гендерной схематизации. «Действительно, — продолжает Д. Батлер, — именно потому, что некоторые типы “гендерных идентичностей” неспособны соответствовать тем нормам культурной интеллигибельности, они оказываются внешними по отношению к культурному полю ошибками развития или логическими парадоксами. Как бы то ни было, их живучесть и распространение дает критике возможность разоблачить границы и регулятивные цели этого поля и, как следствие, раскрыть заложенные в понятиях этой матрицы интеллигибельности соперничающие и разрушительные матрицы гендерного хаоса» [Там же. С. 320].

«Гендерный хаос» возникает из анализа деструктивной возможности, заложенной в самой связи пола / гендера / желания, т.е. в схеме интеллигибельности. Если быть (становиться) мужчиной / женщиной означает желать представителя противоположного пола / гендера и стремиться к реализации этого желания в соответствующих практиках, характеризующихся определенным порядком гетеросексуальности, то опрокидывание порядка гетеросексуальности ставит под вопрос и существование пола / гендера. Категория пола «рассеивается при разрыве или сдвиге гегемонии гетеросексуальности» [Там же], поскольку сама является своеобразным знаком сексуальности, маркирующим каждое тело в социуме для того, чтобы его можно было включить в общий порядок принудительной гетеросексуальности или исключить из него. Джудит Батлер обращается к точке зрения Мишеля Фуко, который

«утверждает, что категория пола, предшествующая всем определениям сексуального толка, сама является исторически сформированной специфической формой *сексуальности*» [Там же. С. 326]. Бинаризирующий дискурс производит категорию пола в качестве адискурсивного основания или эссенциальной «причины» сексуальности, понуждающей индивида проявлять себя «соответственно своей сущности», т.е. как мужчина (желая и добываясь женщину) или как женщина (желая мужчину и уступая ему). Таким образом, пол выступает как скрытый (мнимо адискурсивный) механизм направления сексуального опыта, и именно поэтому разоблачение одного приводит к выявлению сконструированной природы другого. Д. Батлер характеризует деструкцию интеллигибельного гендера как знак опрокидывания или деконструкции самой метафизики сущности, лежащей в основе всей западноевропейской мыслительной логики. Андроцентризм, равно как гетеросексизм, возможны лишь при господстве убеждения в эссенциальной адискурсивной природе пола / желания. Денатурализация пола / желания раскрывает эти феномены в качестве грандиозного культурного перформанса, который формирует, «присочиняет» субъектов пола / желания для репрессивного обеспечения собственной гегемонии. Таким образом, гендерная идентичность «перформативно конституируется теми ее “проявлениями”, которые считаются результатами ее существования» [Там же. С. 329].

Итак, гомоидентичность представляется в дуальном социальном дискурсе несогласованной и аномальной. Эта аномальность фундируется существованием некой дискурсивной нормы, а именно нормы интеллигибельного гендера. Какие эмансипирующие последствия может повлечь за собой денатурализация гетеро- / гомоидентичности? Располагает ли признание культурной обусловленности нормальной / аномальной сексуальности действенным потенциалом для преодоления репрессивных последствий данной дихотомии? Какие перспективы имеет индивид, принявший «устыженную субъективность» в качестве своей гендерной идентичности?

Во-первых, как замечает Сэдживик Ив Кософски, раскрытие культурной обусловленности феномена во все не облегчает возможное или желаемое освобождение от ее репрессивного воздействия. В классической дихотомии культурное / природное первый элемент не является в какой-либо степени более подвижным, «легким», чем второй. «Я помню тот радостный энтузиазм, — замечает Кософски, — с которым феминистские исследовательницы приветствовали открытия друг друга, подтверждающие, что та или иная brutальная форма угнетения оказывалась не биологической, а “всего лишь” культурной! Я всегда задавалась вопросом, откуда берется это оптимистическое представление о податливости культуры какой-либо группе или программе» [7. С. 46]. Само сопротивление универсализирующей гендерной схематизации, возможно, является частью этой программы, «высвечивающей» властные установки ее подавляющей гегемонии.

Во-вторых, «устыженная субъективность» или гендерная идентичность как продукт описанных выше механизмов соотношения конкретных сексуальных практик с нормой интеллигибельного гендера не явля-

ется лишь внешней схемой, налагаемой политическим дискурсом на другую «истинную субъективность», которую первая якобы угнетает и девальвирует. Субъективность является внутренним самоосознанием индивида, а следовательно, пронизывает разнообразные сферы самопонимания, самопрезентации в социуме, представлений о своей соотнесенности с иными родами реальности. Субъективность определяет самостийность индивида, а значит, «устыженная субъективность» формирует индивида как носителя совершенно своеобразного, по выражению Кософски, «чуланного» менталитета. В рамках этой ментальности неотъемлемыми являются такие черты, как осознание своей аномальности и отчаянное желание ее преодолеть посредством раскрытия или сокрытия своей субъективности. Как отмечает Кософски, «даже на индивидуальном уровне, среди самых открытых геев найдется очень мало тех, кто не скрывает намеренно свою ориентацию от людей, значимых для них в личном, экономическом или институциональном смысле... Любое столкновение с новыми людьми, будь то новые одноклассники, тем более новый начальник, социальный работник, банковский клерк, домовладелец, врач, создает вокруг него непроницаемый колпак, тяжесть которого, а также его оптические и физические свойства требуют новой предсмотрительности, новых расчетов, новых усилий и действий для соблюдения секретности или же ее раскрытия» [7. С. 75, 76].

В этом смысле гомо идентичность сопряжена с еще большей репрессивностью, чем женская субъективность, поскольку отождествление женского с постоянной привлекательностью для мужского извращает женщин от обязанности дополнительно информировать окружающих о своей «устыженной субъективности». Женщина «носит» свою гендерную маркировку непрестанно в артикулирующих знаках телесности: походке (сформированной ношением определенной обуви), жестах (сформированных посредством поощрения изящности), лице и руках (пропитанных разнообразными косметическими средствами) и т.п. Однако и те и другие своей репрезентацией только подчеркивают безусловность социальной нормы мужского / гетеросексуального.

*Маргинализованная маскулинность.* Дискурсивный порядок пола / гендера / желания поддерживается социальным страхом. Боязнь оказаться вне нормы интеллигибельного гендера создает дополнительную мотивацию для артикуляции индивидом своей реальной или мнимой дистанцированности от устыженных субъективностей. Но больше всего, как это ни парадоксально, «страх стыда» и «стыд страха» пронизывают тех индивидов, субъективность которых конституируется в качестве нормальной. В работе «Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности» известный американский социолог Майкл Киммел постулирует гомофобию едва ли не самым важным механизмом формирования мужской / гетеросексуальной идентичности. Причина этой влияния гомофобии касается неоднородности в практиках становления мужчиной, а именно: не каждый обладатель мужской гендерной идентичности может претендовать на репрезентацию нормальной (ин-

теллигибельной) мужественности. Существует множество черт, отделяющих гегемонную маскулинность «настоящего мужчины» от ущербной маскулинности несостоявшихся мужчин. М. Киммел, ссылаясь на социолога Эрвина Гоффмана, выделяет те из них, которые характерны для американского общества: «в Америке существует лишь “один совершенный и не стыдящийся себя мужчина”»: “молодой, женатый, белый горожанин, гетеросексуал с севера, протестант, отец, получивший образование в колледже, полностью занятый, хорошего телосложения, сильный и высокий, недавний обладатель спортивных достижений. Каждый американский мужчина стремится смотреть на мир с такой точки зрения... Любой, кому не удастся квалифицировать себя через какой-нибудь из этих признаков, вероятно, считает себя... недостойным, несовершенным и худшим»» [8. С. 36]. Сила, ум, физическое развитие, способность контролировать ситуацию – все эти черты на самом деле определяются посредством *отрицания*, это черты, *не* свойственные женщинам и по этой причине отличающие настоящего мужчину от подделки. Настоящий мужчина – *не* женщина, а значит, он тот, кто может и должен утверждать свое отличие посредством обладания женщиной, посредством демонстрации своей гетеросексуальности. Этот конститутивный для мужского императив гетеросексуальности является одновременно причиной непрестанного глубинного страха, основа которого коренится в постоянной возможности не продемонстрировать, не осуществить свою гетеросексуальность или осуществить и продемонстрировать ее неверно и противоречиво, вызвав тем самым подозрения в подлинной природе своей маскулинности. Таким образом, «мужественность становится растянувшейся на всю жизнь попыткой продемонстрировать факт ее достижения» [Там же. С. 38]. По меткому выражению Кеннета Уэйна, «любой встреченный вами мужчина обладает рейтингом или оценкой самого себя, с которой он никогда не расстанется и которую он никогда не забывает» [Там же]. В повышении этого рейтинга большую роль играют женщины, они становятся своеобразной «валютой», накопление и демонстрация которой поддерживает мужчину на пути завоевания положенной ему социальной гегемонии. Перформанс гетеросексуальности становится главной целью маскулинности. Однако невозможно достичь того желанного момента, начиная с которого доказательства уже не нужны и мужская идентичность окончательно сформирована в качестве «настоящей» и ни у кого не вызывает сомнений. Недостижимость эталона является залогом продолжения бесконечной напряженной драмы завоевания статуса подлинной маскулинности, доказательства недоказуемого. Маскулинность также является перформансом, субъективирующим гегемонную маскулинность в качестве мнимо достижимой цели и ущербную маскулинность в качестве устыженного субъекта, самосознание которого наполнено страхом и стыдом. «Страх, – пишет М. Киммел, – заставляет нас стыдиться, ибо признание страха в самих себе доказывает нам самим, что мы не столь мужественны, как это представляем... Наш страх – это страх быть униженным. Мы стыдимся бояться. Стыд ведет к молчанию – молчанию, которое побуждает других людей думать,

что мы действительно одобряем все то, что совершается в нашей культуре по отношению к женщинам, к меньшинствам, к геям и лесбиянкам» [8. С. 41].

Таким образом, благодаря социальному страху, в конечном счете, поддерживается та самая модель гетеронормальности, которая в дискурсивном режиме продуцирует социальный страх. Субъективирующая роль данной модели проявляется двумя основными механизмами: практики нормативности и практики устыжения. Первые постулируют социальную норму интеллигибельного гендера, недостижимую в полноте по причине своей перформативности. Перформативность есть процесс демонстрации необходимых признаков нормы, он не предполагает возможным конечное обладание этими признаками. Вторые же субъективируют аномальную идентичность, создавая самосознание женской субъективности, гомоидентичности и маргинализированной маскулинности. Существование «устыженных субъективностей» необхо-

димо для поддержания дуалистической структуры общества. Однако индивиды, принимающие такой тип идентичности, обречены как на второстепенное положение в обществе, так и на совершенно определенные проявления насилия (морального и / или физического), удерживающие их в этом положении. С другой стороны, социальное насилие распространяется и на внутренние процессы самоосознания и самопонимания «устыженных субъектов», поскольку последние становятся обладателями «чуланного менталитета», пронизывающего их жизнь страхом и стыдом. «Субъекция, – отмечает Д. Батлер, – означает процесс становления субординированный властью и в то же время процесс становления субъектом» [9. С. 16]. Генеалогия устыжения, таким образом, открывает подавляющую пронизанность социального дискурса техниками бинаризирующей субъекции, высвечивающей фундаментальную зависимость субъектов нормы и субъектов устыжения от дискурса.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов : пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 336с.
2. Батлер Джудит. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования. Ч. 2 : хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ, 2001 ; СПб. : Алетей, 2001. С. 235–257.
3. «Прочти мое желание...». Постмодернизм, психоанализ, феминизм. М. : Идея-Пресс, 2000. 256 с.
4. Батлер Джудит. Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии / сост. Э. Гарри, М. Пирсел ; пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия, 2005. С. 292–303.
5. Батлер Джудит. От пародии к политике // Введение в гендерные исследования. Ч. II : хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ, 2001 ; СПб. : Алетей, 2001. С. 164–173.
6. Батлер Джудит. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Минск : Прописи, 2000. С. 297–346.
7. Сэдзвик, Ив Кософски. Эпистемология чулана / пер. с англ. О. Липовской, З. Баблюяна. М. : Идея-Пресс, 2002. 272 с.
8. Киммел Майкл. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности / пер. И.В. Кривушина // Гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ, 2006. № 14. С. 34–52.
9. Батлер Джудит. Психика власти: теории субъекции / пер. Завена Баблюяна. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетей, 2002. 168 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 мая 2014 г.

## PRACTICE OF SHAME IN SOCIAL DISCOURSE

*Tomsk State University Journal.* No. 384 (2014), 53-59. DOI: 10.17223/15617793/384/10

**Khitruck Ekaterina B.** Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudr@vtomske.ru

**Keywords:** feminine subjectivity; marginalized masculinity; homo identity; gender identity; practice of shame; heteronormativity; homophobia.

The classical philosophical dualism is the main approach of West European ontology. All of current things are classified by dualism according to the general binary oppositions into: good/evil, external/internal, transcendental/immanent, active/passive, masculine/feminine. The binary ontological model conduces to binary stratification of social system formation, thereby the social scope contains specific contradistinctions of social groups among themselves. Moreover, several of them are identified as a social norm in comparison with the other anomalous groups. An attribution of some individuals to the anomalous social group and the formation of an appropriate mentality that expresses their self-comprehension and self-consciousness is denoted as the "practice of shame" by Judith Butler, an American gender philosopher. And the identity created as a result of various practices was introduced as "a queer identity" or "a shamed subjectivity". The mechanisms that help to implement shame practices are connected with the subject formation activity of power discourse which has constituted abnormal subjectivity and then conceals its constitutive function in order to show the shamed subject in a non-discursive and essentially deterministic manner. In this way discursive fund binary social stratification is preserved, performed with the help of the shame practices of a non-discursive natural entity. The article covers three types of gender/sexual identity as examples of social shame practices action. All of "the shamed subjectivity" types are projected according to the circulation in the "intelligible gender" culture. The "intelligibility" is understood by Judith Butler as an order of sex/gender/desire coordination, that sets a one-piece identity as a social norm, wherein the biological sex is supposed to find its non-contradiction presence in an appropriate social behavior that, in turn, realizes sexual desire. As a matter of fact the norm of intelligibility is funded by androcentrism and heteronormativity, i.e. postulates a heterosexual man as the social sample forcing out of the social norm ("shaming") the feminine, the non heterosexual but vainly tending to approach the mentioned model of the damaged masculine. Thus, the general logic of shame allows considering the feminine subjectivity, homo identity and marginalized masculinity in terms of social discourse as non-coordinated gender identities, whose internal self-comprehension is stroked by the "closet mentality" that includes the fear of exposure and the shame of one's situation.

## REFERENCES

1. Bem S. *Linzy genera: Transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov* [Lens gender: Transforming the views on the problem of gender inequity]. Translated from English by T.D. Benediktova, O.A. Voronin. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. 336 p.

2. Butler J. *Sluchayno slozhivshiesya osnovaniya: feminizm i vopros o "postmodernizme"* [The randomly stacked base: feminism and the question of "postmodernism"]. In: Zhrebkin S.V. (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies]. Kharkov: Kharkov Centre of Gender Studies Publ., St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2001, pp. 235-257.
3. Zhrebkova I. *"Prochti moe zhelanie..."*. *Postmodernizm, psikhoanaliz, feminizm* ["Read my desire...". Postmodernism, psychoanalysis, feminism]. Moscow: Ideya-Press Publ., 2000. 256 p.
4. Butler J. *Prisvoenie telom gendera: filosofskiy vklad Simone de Beauvoir* [Assigning gender body: philosophical contributions Simone de Beauvoir]. In: Garry A., Piercell M. (eds.) *Zhenshchiny, poznanie i real'nost': Issledovaniya po feministской filosofii* [Women, Cognition and Reality: Studies in feminist philosophy]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005, pp. 292-303.
5. Butler J. *Ot parodii k politike* [From parody to politics]. In: Zhrebkin S.V. (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies]. Kharkov: Kharkov Centre of Gender Studies Publ., St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2001. Part 2, pp. 164-173.
6. Butler J. *Gendernoe bespokoystvo* [Gender anxiety]. In: Gapova E. (ed.) *Antologiya gendernoy teorii* [Anthology of gender theory]. Minsk: Propilei Publ., 2000, pp. 297-346.
7. Sedgwick Kosofski E. *Epistemologiya chulana* [Epistemology of the closet]. Translated from English by O. Lipovskaya, Z. Babloyan. Moscow: Ideya-Press Publ., 2002. 272 p.
8. Kimmel M. Maskulinnost' kak gomofobiya: strakh, styd i molchanie v konstruirovani gendernoy identichnosti [Masculinity as homophobia: fear, shame and silence in the construction of gender identity]. Translated from English by I.V. Krivushin. *Gendernye issledovaniya*, 2006, no. 14, pp. 34-52.
9. Butler J. *Psikhika vlasti: teorii sub"ektsii* [The psychic of power. Theory of subjectivity]. Translated from English by Z. Babloyan. Kharkov: Kharkov Centre of Gender Studies Publ., St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2002. 168 p.

Received: 26 May 2014